Баранов, Е. А. Из воспоминаний / Е. А. Баранов // Афган. Пламя войны / Авт.-сост. А. А. Звозников. — Мн. : МФЦП, 2009. — С. 155—160.

Из воспоминаний подполковника запаса Евгения Александровича Баранова, выпускника Новосибирского высшего военно-политического общевойскового училища, заменщика В.В. Шеймана на должности заместителя командира десантно-штурмового батальона 70-й мсб по политчасти в июле 1987 года:

«Новичку нелегко заслужить авторитет среди солдат, еще труднее — среди офицеров. Мне предстояло соответствовать авторитету уходящего замполита, который всегда был с солдатами, всегда с автоматом, в дорожной пыли.

Виктор Шейман передал мне вместе с документами десантно-штурмового батальона 70-й мсб и свой ритм и стиль работы замполита, чувство ответственности за судьбу каждого солдата и офицера батальона.

В каждом бою я чувствовал эту ношу ответственности за солдат, как за своих младших братьев. И в моей душе, спустя годы, не затихает чувство вины за гибель солдат. Одна из этих смертей в бою под Кандагаром навсегда останется в моей памяти...

В Республиканской Книге Памяти воинов-интернационалистов о Метелице сказано коротко: был смертельно ранен в бою. Он мне был как брат. Я особенно остро почувствовал это, когда мы с ним отправились в разведку в поисках воды. Марш был трудным и тяжелым. Старались отжать душманов и загнать их в «мешок». Долго поднимались в горы в нестерпимую жару. Запасы воды быстро закончились.

В Афганистане одной из серьезных проблем летом была вода. Табельной фляжки 0,7 литра не хватало в жару на весь день. А должно хватать на сутки, и то при строгой экономии. А передвигаться и воевать приходилось и не один день. На операции брали запасы питьевой воды во флягах, термосах, но и она быстро заканчивалась и приходилось искать источники на местности.

Предстоял спуск вниз. Я уже по опыту знал, спуск будет для солдат труднее, чем подъем. А без воды вряд ли удастся спуститься быстро и незаметно. Все были уставшими и выбились из сил. Володя сам предложил пойти на поиски источника. И мы отправились с ним на разведку.

Он был уже обстрелянным, опытным солдатом. В ряды Вооруженных Сил он был призван в октябре 1986 года Верхнедвинским райвоенкоматом Витебской области. Окончил «учебку» в Фергане и с мая 1987 года служил в Афганистане в войсковой части полевая почта 71176. Вскоре его назначили командиром отделения, присвоили звание младшего сержанта. Он отличался порядочностью и надежностью. Мы и до этой разведки не раз были в боевых операциях.

По карте я определил, что в одном из ущелий должна быть вода. Начали спускаться, осматриваясь вокруг: душманы могли быть за каждым поворотом, за любой скалой. Нашли высохший родник с остатками грязной воды. Неужели мы не найдем воду? Я развернул карту, а Володя предложил пройти вперед и разведать местность. Он все не возвращался. Чувство беспокойства охватило меня, и я быстро пошел к нему навстречу. В голове билась мысль, как я мог отпустить его одного, что, если его обнаружили душманы? Осторожно продвигаясь по

горной тропинке вдоль скалы, я бесшумно приближался к повороту. Вдруг из-за скалы донесся шорох камней. Я резко вскинул автомат и уже готов был нажать на спуск, как увидел. Володю, также готового нажать на курок. Мы оба обнялись, поблагодарили судьбу за то, что она уберегла нас, и двинулись в путь.

Метров через сто, внизу в ущелье, мы нашли воду. Долго пили и не могли напиться. Мне и сейчас кажется, что это была самая вкусная вода, какую я когда-либо пил. Наполнили все фляги и вернулись к своей группе.

С той разведки он и стал мне как брат. И потому его смерть была для меня самой тяжелой в Афганистане.

Это случилось во время боевого марша. Мы двигались на помощь афганским частям в районе Кандагара. Было получено задание: восстановить внешнее кольцо обороны Кандагара. Накануне душманы уничтожили четыре поста, на которых стояли афганские солдаты. Мы должны были оттеснить мятежников и занять эти посты. Восстановив оборону Кандагара с юго-запада, мы затем вновь должны были передать посты афганским солдатам. Обычная работа для десантников.

Мы двигались колонной: семь машин 1-й роты, КШМ (командно-штабная машина) командира батальона, на которой обычно и ездил с рацией Володя, затем шли машины минно-артиллерийской батареи. Внезапно пропала связь, колонна остановилась. Связь восстановили, и колонна вновь начала движение. Володя увидел машину со своими приятелями-земляками и сел к ним. Увидев, что он садится не в свою машину, я крикнул ему, чтобы не делал этого. Он мог и не слышать меня, уже стоял гул моторов.

В Афганистане была примета: ездить только на своей машине, не пересаживаться на чужую, пусть и твоего взвода. «Афганцы» без особой необходимости не нарушали это неписанное правило. Были случаи, когда кто-нибудь в спешке садился не свою машину, и случалась беда. Так случилось и с Володей.

Мы подъезжали к аулу Мирбазар, чувство тревоги не покидало меня. Я увидел мирно сидевших вдоль дувала афганских стариков, и тревога усилилась. Как только первые машины, на одной из которых сидел Володя, поравнялись с дувалом, раздались выстрелы. На броне с правой стороны по ходу движения сидел Володя. Пуля попала ему в шею. Проскочив несколько метров до поворота, мы сняли Володю и пытались оказать ему первую помощь. Машину доктора душманы отсекли плотным огнем. Володя, оставаясь еще в сознании, сказал свои последние слова: «Ребята, помните меня...».

Я навсегда запомнил этот день 23 декабря. Это был день рождения моей мамы, и я представил себе, как я скажу матери Володи о гибели ее сына.

На БМП появилась надпись: «Памяти Владимира Метелицы». Я на этой машине воевал до конца своей службы в Афганистане. На ней и вернулся в Советский Союз. Посмертно В. Метелица был награжден орденом Красной Звезды. В памяти навсегда остался чистый и светлый образ боевого товарища».